

## К.Н. ЛЕОНТЬЕВ В РАБОТАХ В.В. РОЗАНОВА. ПРОБЛЕМА ОСМЫСЛЕНИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

*А.В. СЕЛИВАНОВ*

В.В. Розанова можно назвать пропагандистом таланта К.Н. Леонтьева и одним из наиболее пишущих о нем авторов своего времени<sup>1</sup>. В своих работах, посвященных Леонтьеву и в статьях, где он только упоминается, Розанов рассматривает главным образом его философские воззрения, а позднее и его произведения из области литературной критики, но не вопросы, связанные с его биографией (за исключением постоянного упоминания о монашестве Леонтьева). Несмотря на то, что в жизни они не встречались, у них была активная переписка, которая пришлась на последний год жизни Леонтьева (1891). Примечателен тот факт, что одна из лучших биографий Леонтьева была написана учеником Розанова по Елецкой гимназии А.М. Коноплянцевым<sup>2</sup> и издана в 1911 г.<sup>3</sup> вместе с другими работами к 20-ти летней годовщине со дня смерти философа.

Существует два современных труда, посвященных оценкам Розановым творчества Леонтьева. Это фрагмент из книги К.М. Долгова «Восхождение на Афон»<sup>4</sup> и статья С.М. Сергеева из «Розановской энциклопедии»<sup>5</sup>. В предлагаемой работе я попытаюсь с учетом этих исследований рассмотреть хронологическую последовательность появления публикаций Розанова о Леонтьеве и выявить причину противоречивости розановских оценок, что стало возможно после завершения выхода собрания его сочинений в 2010 г.

### **Период восторга от идей Леонтьева**

Одним из первых хронологически и наиболее объемным свидетельством отношения и понимания Розановым мировоззрения Леонтьева является их переписка. К тому же ее нельзя назвать односторонней, ведь это был обмен мыслями по поводу творчества друг друга. Леонтьев первым пишет Розанову и высоко оценивает его критику Гоголя<sup>6</sup>, а Розанов в ответ восхищается литературным анализом творчества И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и др., предпринятым Леонтьевым<sup>7</sup>. И последующие письма только способствуют их размышлениям друг о друге. Леонтьев с интересом читает первую книгу В.В. Розанова «О понимании»<sup>8</sup>, тот в свою очередь высоко оценивает сборник «Восток, Россия и славянство»<sup>9</sup>, а также статью, посвященную творчеству Льва Толстого «Анализ, стиль и веяние»<sup>10</sup>. Их переписка тем и замечательна, что, изучая творчество друг друга, они зачастую еще и давали подробные комментарии к своим мыслям, что особенно важно в отношении вско-

ре скончавшегося Леонтьева, так как его пояснения к собственным теоретическим построениям обстоятельны и подробны. Это четко прослеживается в его пятом письме к Розанову, где он высылает замечания к будущей статье Розанова «Эстетическое понимание истории»<sup>11</sup>, — крупной работе, которую Розанов опубликует в 1892 г. Недолгая, продолжавшаяся всего полгода, переписка не приводит к каким-то недомолвкам или противоречиям, единственное разногласие — это положительное отношение Леонтьева к Вронскому из романа «Война и мира» и его неприятие со стороны Розанова.

Розанов высказывает одобрение теории Леонтьева: «А культуру всемирную нужно сберечь. Мне мечтается, что догадаются наконец люди, к чему идут (к смерти) и... удержатся», но в этом же абзаце небрежно и в своем стиле заканчивает: «Простите, поболтал бы еще, но что-то нездоровится, а главное — несут обедать»<sup>12</sup>. И в этом весь Розанов — эта манера мешает рассмотреть Розанова как цельного мыслителя. А это необходимо, на мой взгляд, сделать и сделать комплексно, исходя из хронологической подборки, причем не только из публицистики, но и из писем, по каждому затронутому им вопросу и только потом судить о его взглядах. Думаю, что такой подход может дать результат и в отношении проблемы затронутой в данной статье.

Через год после переписки выходит «Эстетическое понимание истории». В этой работе Розанов оставил потомкам важный материал о философии Леонтьева. Она четко передает теорию мыслителя (ведь, как указывалось выше, Леонтьев сам помогал в написании этой работы) и проиллюстрирована историческим материалом, что было так свойственно Розанову. Уже в самом начале Розанов пишет о неизвестности Леонтьева в своей стране<sup>13</sup> — этот момент он будет всегда отмечать в тех своих работах, где хотя бы вскользь затрагивалась персона Леонтьева, даже, если он обрушивался на него с критикой. Интересен и тот факт, что Розанов, хотя и не согласен с некоторыми положениями теории Леонтьева, в целом с ней соглашается и даже несколько ее развивает. Характеристика же личности Леонтьева Розановым, как это отмечалось и в предыдущих исследованиях<sup>14</sup>, всегда была высока, но здесь она достигает своего апогея: «Все столь далекие народы выходят на один путь, когда... в среде одного из них, по неисповедимым судьбам истории — нашего, является впервые сознание о том, куда ведет он»<sup>15</sup>. Такими словами Розанов фактически ставит Леонтьева на вершину среди представителей философии истории.

### **«Мировоззренческий переворот» Розанова и изменение отношения к Леонтьеву**

Говоря о ранних произведениях Василия Васильевича и его восприятии Леонтьева, нельзя не упомянуть и тот факт, что в год

смерти Леонтьева он в своей работе «Европейская культура и наше к ней отношение» из цикла статей «Старое и новое» уделяет ему место среди представителей славянофильства: «Леонтьев — самый глубокий представитель славянофильской идеи»<sup>16</sup>. В своих дальнейших работах он никогда не отрицал этого. Признавая Леонтьева венцом славянофильского течения, в 1895 году он пишет двухчастную работу под названием «Поздние фазы славянофильства». Первая часть посвящена Н.Я. Данилевскому и была опубликована в год написания, а вот вторая, посвященная Леонтьеву, дошла до читателя только в 1899. Не исключено, что за четыре года статья подвергалась доработке, так как именно в этот период восторг Розанова по отношению к Леонтьеву начинает угасать и первичное восхищение сменяется критическим разбором. В этой работе Розанов критикует пессимизм Константина Николаевича, по-прежнему признавая его великим: «Благородный и истинно великий, он нес свои идеи как тягость, как болезнь; и очень печальная судьба, что ложность этой болезни, призрачность этой тягости становится ясна так поздно, что уже не может прозвучать для него облегчающей вестью»<sup>17</sup>. Под тягостью и болезнью Розанов подразумевает безрадостное отношение Леонтьева к миру: «...истина — всегда радостна... все печальное ео ipso есть и заблуждение». Это совпадает с мыслями Розанова, высказанными им годом ранее, в 1898 г. в его статье «О писателях и писательстве». Он называет пессимизм Леонтьева «трудно одолимым»<sup>18</sup>, а его философское творчество характеризует так: «Это — безнадежная философия, без выходов, без просветов»<sup>19</sup>. И тут же выдвигает одно из первых обвинений Леонтьева в непонимании Библии: «...тот свет правды, древнейшей правды, первой правды, который поразил меня в Библии — ему вовсе чужд»<sup>20</sup>. Подобные обвинения в дальнейшем будут часто встречаться у Розанова. Но, несмотря на это, он всегда очень высоко оценивает философский талант Леонтьева. Так, в своей статье «Границы нашей эры» за 1899 г. он напишет, что у Леонтьева был «великий и проницательный ум».

В 1903 году Розанов снабдил письма Леонтьева комментариями и опубликовал в «Русском вестнике». (Интересен тот факт, что письма Розанова к Леонтьеву были опубликованы только в 1989 г. в журнале «Литературная учеба».) Прошло более десяти лет с момента окончания переписки и Василий Васильевич не сдерживается в своих комментариях в адрес Леонтьева, критикуя в своей известной и любимой манере, включающей колкости и нападки, даже самые незначительные моменты. Для такого отношения была причина мировоззренческого характера: «Успокаиваться и уходить от Л-ва я начал только около 1897-го года, 1898-го года, когда... terrible dictu начал отходить (дело прошлое и можно рассказывать) от христи-

анства, от церкви, от всего “скорбного, плачущего и стонающего”... в мир улыбок, смеха, зелени и молодости, в юный и утренний мир язычества»<sup>21</sup>. Встав, таким образом, на позицию оптимистического отношения к жизни, Розанов начинает критиковать Леонтьева именно за его замкнутость и пессимизм. Критикует он теорию Леонтьева и за ее отрыв от действительности: «Вообще Л-в был слишком теоретичен, слишком обобщенный человек, не вглядывавшийся и даже просто не знакомый с любопытнейшими подробностями». При этом, хотя Розанов называет Леонтьева «публицистом в куколке», он по-прежнему считает его «самым свободомыслящим явлением»<sup>22</sup>.

После каждого критического выступления у Розанова заметно некоторое раскаяние, и это можно наблюдать не раз. Так, в статье «Вл. Соловьев и Достоевский», изданной в 1902 г., он пишет: «Что он неприятен и колюч — об этом нет спора. Но опровергнуть его очень трудно, об этом тоже спорить не приходится»<sup>23</sup>. И тут же: «Вообще обругать Леонтьева очень легко, но преодолеть трудно»<sup>24</sup>. А в 1905 году, освящая свою переписку с Вл. Соловьевым, Розанов опять возвышает философское творчество Леонтьева, называя сборник «Восток, Россия и славянство» «вещью с магией»<sup>25</sup>, причем делает это в контексте своего интереса к его прочтению вновь и вновь, несмотря на свою «усталость и старость»<sup>26</sup> (Розанов как всегда в своей манере).

В последующие годы Василий Васильевич будет следить за интересом общества к личности и творчеству Леонтьева. За несколько лет им будет написан цикл статей и заметок по этому поводу. В 1908 году он пишет «Кружок К.А. Губастова в память К.Н. Леонтьева», сообщая о появлении общества, цель которого — изучение личности Леонтьева и сбор биографических материалов о нем. В 1910 году выходит «Конст. Леонтьев и его “почитатели”», где, Розанов в очередной раз, сравнивая Леонтьева с Ницше, ставит его выше последнего, а после этого критикует его «друзей». Больше всего обвинений направлено в адрес И.И. Фуделя<sup>27</sup>, который, обладая наследием Леонтьева, категорически не хотел издавать его без своих комментариев, тем самым не допуская широкого читателя к его творчеству.

В 1911 году выходит в свет работа «К 20-летию кончины К.Н. Леонтьева», посвященная очередной годовщине смерти мыслителя. В ней автор отмечает, что имя Леонтьева не забывают, несмотря на замалчивание, сообщает о выходе работы петербургского священника Агеева, сделавшего идеи К.Н. Леонтьева предметом своей магистерской диссертации: «Это уже не что-то беглое, а фундаментальный труд, который не пропадет из библиотек»<sup>28</sup>. Анонсируется книга «Памяти Константина Николаевича Леонтьева: Литератур-

ный сборник», где кроме биографии Леонтьева, написанной уже упомянутым А.М. Коноплянцевым, содержится еще ряд статей, среди которых и розановский «Неузнанный феномен». Розанов пишет, что Леонтьев вызывает у него восторг и что это чувство, «ни разу не поколебавшееся за 20 лет, когда в самом сменились или изменились все чувства, все мысли, все отношение к действительности»<sup>29</sup>, осталось неизменным.

Годом позже вновь выходит статья, адресованная новому почитателю таланта Леонтьева, под названием «Закржевский о Конст. Леонтьеве». Теперь в центре внимания — восхищение мыслителем со стороны польского писателя Александра Закржевского. Разбирая статью последнего, Розанов вновь не упускает случая присоединиться к положительным оценкам таланта Леонтьева и его сочинений: «...можно почти считать критериумом литературного ума и вкуса, литературной образованности — иметь у себя на столе Сочинения К. Леонтьева. По этому будут определять, войдя в кабинет: стадный ли человек хозяин дома (без Леонтьева), или он — лицо, “сам”, “я” (с Леонтьевым)»<sup>30</sup>. И несмотря на более чем два десятка лет, прошедших после знакомства с его творчеством, Розанов считает, что «усвоение мировоззрения Леонтьева — это целый переворот»<sup>31</sup>, причем переворот не только на индивидуальном, но и на общественном уровне: «Он [переворот] еще не настал. Но около него борются»<sup>32</sup>.

В 1912 году выходят еще две статьи, посвященные выпуску собрания сочинений Леонтьева. Первая — «Литературная новинка», сопровождает выход статьи «К. Леонтьев о Владимире Соловьеве и эстетике жизни» под редакцией критикуемого Розановым И.И. Фуделя, а также анонсирует издание Полного собрания сочинений в восьми томах на деньги некоего «энтузиаста-жертвователя»<sup>33</sup>. Вторая статья — «К изданию полного собрания сочинений К. Леонтьева», повествует о уже начавшемся издании сочинений, теперь уже в двенадцати томах, в издательстве В.М. Саблина. Розанов доносит до читателя структуру этого собрания сочинений, а также говорит о нарастающем интересе к фигуре и творчеству его автора, и в этой связи — о книге Ф. Куклярского «Осужденный мир. Философия человекоборческой природы». Примечательно мнение Василия Васильевича о том, что в книге содержится «лучшая в русской литературе оценка Леонтьева»<sup>34</sup>. Наконец, Розанов дождался момента, когда до широкой публики дошли сочинения Константина Николаевича и опять призывает к их прочтению: «Теперь входите и читайте все, — Леонтьев открыт»<sup>35</sup>.

Но радость Розанова была недолгой, так как уже в следующем, 1913 г., появляются проблемы с изданием оставшихся томов. На

тот момент, если верить Розанову, вышло восемь томов<sup>36</sup>, а в итоге, в 1914 г., издание прервется окончательно после выхода девяти томов. Розанов отразил это в небольшой статье «Приостановка издания «Сочинений К. Леонтьева». Пытаясь выразить недовольство заинтересованных творчеством Леонтьева и свое собственное, он требует объяснений: «Было бы желательно, чтобы лица, в руках коих находится дело, и ближайшим образом сама издающая Леонтьева фирма — дали в печати надлежащие разъяснения. Такое издание — всецело идейное дело. А к идейным делам мы не должны быть равнодушны»<sup>37</sup>.

В течение нескольких лет Розанов активно обращается к мнению интеллигенции по отношению к Леонтьеву, он и сам не оставляет размышлений о его жизни и творчестве. В 1911 году, к 20-й годовщине со дня смерти мыслителя, он пишет две статьи. Первая называлась «Неоцененный ум», а вторая, уже упомянутая, — «Неузнанный феномен» из посвященного Леонтьеву сборника.

В первой статье Розанов акцентирует внимание читателя на том, что такие умы, как Л. Толстой и Достоевский, признавали за Леонтьевым огромную силу, а Вл. Соловьев, Бердяев, Милюков, Струве и др. «прямо называли его одним из самых ярких и поразительных русских умов за весь XIX век»<sup>38</sup>. Сообщая читателю о столь высоких оценках со стороны интеллигенции, Розанов тем самым еще активнее призывает читателя обратиться к наследию Леонтьева: «...ведь это что-нибудь значит! Тут не aberrация, а покоряющая всякое сердце истина»<sup>39</sup>. Используя свой публицистический талант, Василий Васильевич в очередной раз доносит до читателя сокращенный вариант теории Леонтьева. Особенно примечательны его слова по поводу теоретических построений Леонтьева в отношении исторического развития: «Красиво? Верно? Я не могу назвать более великолепной теории. Она истинна, как сама действительность. Скажу точнее: теория Леонтьева есть просто действительность, ее описание, ее название. Леонтьев был великий мыслитель; он был и страстный мечтатель; но этот мечтатель и философ прежде всего реалист»<sup>40</sup>. Вот так, отрекаясь от отмечаемого им пессимизма леонтьевских построений, более десяти лет спустя Розанов вновь возносит его на вершину. Не забывает он и его литературную критику, называя леонтьевский анализ «Анны Карениной» и «Войны и мира» образцом литературной критики<sup>41</sup>.

В «Неузнанном феномене» Розанов сосредоточивает внимание на эстетизме Леонтьева, подкрепляя свои слова примерами из его восточного цикла «Из жизни христиан в Турции». Так, в своей манере, т.е. не без фактических ошибок, и, не указывая конкретных произведений, Розанов приводит примеры из сочинений Леонтьева:

«Три есть столба, на которых держится мир, — толковал шепотом мулла. — Первый столб золотой и идет до неба: это наше святое и праведное мусульманство. Второй столб поменьше и сделан из серебра: он также хорош. Это — вера Авраама, которую исповедуют собаки-жиды, но Авраам через Измаила был и наш праотец; только жиды не приняли праведного Корана. Третий столб тоже к небу идет и тоже истинный, только покороче тех обоих и сделан из меди. Это христианство»<sup>42</sup>. Отмечу, что этот фрагмент взят из повести «Хризо» и содержит фактические ошибки, так как в тексте повести второй столб, серебряный, означал христианство, а третий, медный, символизировал как раз иудаизм. Кроме этого, речь шла и о четвертом столбе, свинцовом, олицетворяющем франкскую веру<sup>43</sup>.

И еще один фрагмент о турецком обычае: «Старая турчанка сама копит и откладывает деньги, чтобы купить на них молодую невольницу крепкому, нестарому своему мужу: «Я смерила на базаре ее ногу, и выбирала с самой маленькой ступней: ибо красивость ступни есть первое условие красоты женской»<sup>44</sup> — из повести «Пембе»<sup>45</sup>. Вот как комментирует эти отрывки Розанов: «И все эти подробности подбирает афонский монах»<sup>46</sup>. Ранее Розанов практически не обращался к восточному циклу Леонтьева, здесь же он не только считает, что Леонтьев «открыл “пафос” (живую душу, настоящий смысл, поэзию) туретчины»<sup>47</sup>, он тем самым еще сильнее укрепляется в своем мнении о Леонтьеве как об авторе, не зависимом ни от каких рамок: «Это вообще так свободно, как никогда и ни у кого не было в литературе»<sup>48</sup>.

Но причину поворота Розанова не к философской, а художественной составляющей творчества Леонтьева можно объяснить, обратившись к восемьдесят четвертому письму Розанова к П.А. Флоренскому, датированному 4 июня 1913 г. и опубликованному только в 2010 г.: «Л-в мне дал несколько лет меланхолии, тоски (“все умирает, все гибнет, все отвратительно”) и когда лишь в Петербурге, лет 6 назад, я прочел его повести — то точно расцвел»<sup>49</sup>. Стройная и гениальная теория Леонтьева, какой ее всегда признавал Розанов, была для него уже неприемлема по причине смены последним пессимистического взгляда на мир на оптимистический, но, как оказалось, он находит эту свежесть жизни также и в Леонтьеве, открывая тем самым его для себя заново. Возможно, что именно эта новая для Василия Васильевича сторона творчества Леонтьева и есть причина такого тона в статье «Неузнанный феномен» что отражено в самом названии, в этом новом открытии, там, где Розанову вроде бы уже все известно, но оказывается, что нет, и Леонтьев вновь предстает перед ним в виде чего-то неузнанного, им лично не разгаданного. Интересен тот факт, что Розанов мог познакомиться с восточными

повестями гораздо раньше, так как в своих письмах Константин Николаевич высказывал желание выслать их, но, не встретив ответного рвения со стороны Розанова, откладывал отправку, так в итоге и не совершив задуманное по причине смерти<sup>50</sup>. Говоря о том, что в отечественной мысли Леонтьев предстает как феномен, как неординарное явление, а не как сила, Розанов отмечает: «...очевидно, что никакие идеи Леонтьева не привьются»<sup>51</sup>, в чем опять же можно усмотреть мнение Розанова о нежелании принять бесперспективность общества как это описано у Константина Николаевича.

### **Критика В.В. Розановым К.Н. Леонтьева в сочинении «Опавшие листья»**

Одним из самых спорных произведений Розанова, где речь заходит о Леонтьеве, стал первый короб «Опавших листьев», вышедший в 1913 г. На мой взгляд, в «Опавших листьях» отразились те противоречия, которые все это время накапливались у Розанова в силу его мировоззренческой эволюции. Корни этих противоречий, так или иначе, были раскрыты им ранее, но все это было разрозненно и появлялось то в переписке, которая дошла до читателя только в наши дни, то в небольших статьях, которые также долгое время не были известны широкой публике. Это и критика пессимизма Леонтьева, и его, как казалось Розанову, непонимание христианства, и несоответствие теории с практикой, и любовь к простому человеку, без званий и достижений, человеку из народа, каким и был сам Розанов. Именно на основе этого материала можно дать объяснение всем нападкам на Константина Николаевича.

Вот, например, чем не реакция на жестокость по отношению к индивиду в леонтьевских построениях: «Когда он молился Богородице в холере, вдруг бы Она ему ответила не исцелением, как ответила, а рассыпалась смехом русалки и наслала на него чуму. “По-алкивиадовски”». Очень интересно, что сказал бы Леонтьев на возможность такого отношения»<sup>52</sup>. Или известная цитата: «Что же такое Леонтьев? Ничего. Он был редко прекрасный человек, с чистою искренней душой, язык коего никогда не знал лукавства: и по этому качеству был почти *unicum* в русской словесности, довольно-таки паршивой, деланой и притворной. В лице его добрый русский Бог дал доброй русской литературе доброго писателя. И — только. Но мысли его? Они зачеркиваются одни другими. И все *opera omnium* его — ряд “перекрещенных” синим карандашом томов. Это прекрасное чтение. Но в них нечего вдумываться. В них нет совета и мудрости»<sup>53</sup>. Если присмотреться, в этих словах нет противоречия тому, что мы уже отмечали в отношении Розанова к Леонтьеву выше после его обращения к миру «улыбок, смеха,



зелени и молодости». Он уже не воспринимает с восторгом суровость леонтьевской мысли о глобальном крахе общества, считает ее неверной, но все-таки по-прежнему отмечает его гений, его прямоту.

Отказывая творчеству Леонтьева в наличии в философской составляющей, он отмечает его талант писателя, что характерно для многих, соприкоснувшихся с его литературным наследием. Теорию Леонтьева Розанов вообще сравнивает с чем-то уже невозможным, считая, что она «знаменует вообще великую тоску по идеалу. По идеальном существовании, по идеальном лице»<sup>54</sup>. Он и религиозность Леонтьева считал не истинно христианской, а языческой: «Л-в родился вне всякого даже предчувствия христианства. Его боги совершенно ясны»; «Ломай спину врагу, завоевывай Индию»; «И ты, Камбиз, — пронзай Аписа»<sup>55</sup>. Христианство Леонтьева Розанов связывает с тем, что он увидел в нем «неистощимый арсенал стрел против подлого буржуа XIX века», он увидел здесь «склад бичей, которыми всего больше может хлестать самодовольную мешанскую науку, дубовый бессмысленный позитивизм и вообще всех “фетишей” ненавидимого, и основательно им ненавидимого, века»<sup>56</sup>. Источник этих мыслей Розанов указывал и ранее, в своем двадцать девятом письме к А.С. Суворину, написанном в 1905 году: «Леонтьева лично я не видал, был лишь в заочной с ним переписке, и попеременно и ненавидел и любил его, ненавидел за “жестокыйность” его суждений, любил — за верность им, за героизм характера, за правильность многих его взглядов. Но оканчиваю я разочарованием в нем. Нет сил опровергнуть его логически, как натуралист-историк — он прав, и, чтобы побороть его, остается одно: указать на церковь И. Христа и сказать: “Безумец, монах, да ты забыл о ней, в своих тревогах о человечестве — ты язычник”. Это, я убежден, единственное средство преодолеть Леонтьева, отвергнуть его и его “жестокыйные” теории»<sup>57</sup>. Интересно и то обстоятельство, что таким образом Розанов разъясняет свое отношение к Леонтьеву в контексте высланного Суворину отрицательного фельетона о Константине Николаевиче, который тот отказался печатать, объясняя это так: «Я не могу печатать в газете того, чего я не понимаю, и я привык к языку понятному, простому и ясному и думаю, что о всяком великом человеке можно писать таким языком, и таким языком Вы писали о Достоевском»<sup>58</sup>.

### Период раскаяния

Но уже два года спустя Розанов будет раскаиваться в том, что он написал в «Опавших листьях»: «Грех, грех, грех в моих словах о Конст. Леонтьеве в “Оп. л.”. Как мог решиться сказать. Помню,

тогда б. солнечный день (утро), я ехал в клинику и, приехав и поговорив с мамой, — сел и потихоньку записал у столика. Леонтьев — величайший мыслитель за XIX в. в России. Карамзин или Жуковский, да кажется и из славянофилов многие — дети против него. Герцен — дитя, Катков — извозчик, Вл. Соловьев — какой-то недостойный ерник. Леонтьев стоит между ними как угрюмая вечная скала. “И бури веют вокруг головы моей — но голова не клонится”. Мальчишеские слова (мои о нем). Как смел — не понимаю. Вот еще что: письма его... являются вообще по необыкновенной чистоте и благородству души — что-то праведное. По качеству “Писем” — это первый писатель России за XIX в. “Все мы грешны, если к нам придвинуть Леонтьева” и хочется сказать — Леонтьев праведный<sup>59</sup>. Если ранее это раскаяние в «Мимолетном» не объяснялось, то с публикацией писем Розанова Флоренскому можно из первых рук узнать причину этих нападок на Константина Николаевича. В уже упомянутом мной письме, после описания жизнерадостности восточных повестей Леонтьева, Розанов на контрасте радости и историософского пессимизма не может удержаться от критики: «И вот воспоминание об этом В.<sup>60</sup> отношении к Л-ву, мне показавшееся таким вечным в соединении с веселым солнцем в марте, когда я ехал в Клинику Ел. Павл. (жена) вдруг “проговорило” во мне тот афоризм (отрицательный) о Леонтьеве, кот. в “Оп. листьях”. Видите, как все сочетается»<sup>61</sup>. И ведь действительно сочетается, так как контраст леонтьевского пессимизма, хорошей весенней погоды и воспоминания о высокомерном, как казалось Розанову, отношении Флоренского к Константину Николаевичу, способствует написанию автором «Опавших листьев» столь резких строк в адрес Леонтьева.

Не принимая эту безысходность в жизни общества, это «слияние», описанное Леонтьевым, Розанов много лет спустя открывает в нем же жизнерадостность и не может не отреагировать на свое открытие, вступившее в противоречие с его уже устоявшимися взглядами на Леонтьева. А ведь им о них уже многое написано, так что получается достаточно шекотливая для Розанова ситуация, неудобная для него и сбивающая с правильного пути исследователей его отношения к Константину Николаевичу. Не отрицание Леонтьева в «Опавших листьях», а именно критика известных Розанову, но не описанных в книге сторон его творчества подтверждается и тем, что здесь же, в «Опавших листьях», он выражает удовлетворение тем, что при чтении его, Розанова, книг, узнают и будут интересоваться и Леонтьевым: «Что это, неужели я буду “читаем” (успех “Уед.”) ? То только, что «со мной» будут читаемы, останутся в памяти и получат какой-то там “успех”... Страхов, Леонтьев, Говоруха-Отрок... Для “самого” — не надо, и, м. быть, не следует»<sup>62</sup>. Тут же, еще раньше

он пишет о своей статье «Неузнанный феномен» из упомянутого сборника о Леонтьеве 1911 г.: «Перечитал свою статью о Леонтьеве (сборник в память его). Не нравится. В ней есть тайная пошлость, заключающаяся в том, что, говоря о другом, и притом любимом человеке, я должен был говорить о нем, не прибавляя “и себя”. А я прибавлял. Это так молодо, мелочно, — и говорит о нелюбви моей к покойному, тогда как я его любил и люблю»<sup>63</sup>.

И вот, после стольких противоречий и личных открытий в творчестве Леонтьева, в 1917 г. выходит последняя статья Розанова, которую можно назвать завершающей систему оценок его творчества в отечественной интеллектуальной культуре — «О Конст. Леонтьеве». Розанов опять пишет о невнимательности к таланту Леонтьева, что он связывает с отсутствием у нас в стране науки, широкой публицистики и вообще идейности: «Иначе о Леонтьеве давно выросла бы не литература газетных статей, а сложилась бы давно уже, за 25 лет после его смерти, настоящая литература книг, целая библиотека книг, исследований, оспариваний, пропаганды»<sup>64</sup>. Розанов не оспаривает теорию Леонтьева о трех фазах развития, а пишет, что просто он родился не в то время, во времена же Потёмкина он бы показал современникам «как надо жить»<sup>65</sup>. И если в «Неузнанном феномене» Розанов писал, что идеи Леонтьева не привьются, то теперь он заявляет: «Торопиться не надо, время его придет. И вот, когда оно “придет”, Леонтьев в сфере мышления, наверное, будет поставлен впереди своего века и будет “заглавною главою” всего у нас XIX столетия... В нем есть именно мировой оттенок, а не только русский»<sup>66</sup>, — утверждает Розанов, сравнивая в этом тексте Леонтьева с Чаадаевым, Герценом и Владимиром Соловьевым, ставя его выше их.

### **Заключение**

Розанов и Леонтьев — виднейшие представители отечественной мысли, оба высоко оценивали друг друга (хотя, естественно, Леонтьев ориентировался только по ранним работам Розанова). Розановская критика есть следствие несогласия с позицией Леонтьева, однако это не всеотрицающее несогласие, не признание полной ненужности или вреда леонтьевской теории, а просто иной взгляд, иная позиция, которая не может (в силу характера Розанова) «пройти мимо» отличающегося не сказав что-либо вслед. В глубине души Розанов признавал этот взгляд, хотя какое-то время и был не согласен с ним, уважал эту силу мысли, расходясь с ней по своим жизненным ценностям. Не думаю, что период критики, отражает неприятие Розановым самого Леонтьева, иначе не было бы статей посвященных 20-й годовщине со дня смерти последнего или негативного мнения по поводу пре-

крашения выпуска собрания сочинений. Все это характеризует переживания Розанова об утрате Россией мыслителя мирового уровня и небезразличие к его творческому наследию, призывы к изучению которого он постоянно повторял. Можно даже посчитать подобную историю развития розановских оценок в чем-то закономерной. Если один мыслитель полностью принимает теорию другого, то, скорее всего, он будет ее развивать, а если нет, то будет указывать на просчеты и искать их корни, что и можно наблюдать у В.В. Розанова.

В своей работе я предпринял попытку не только по новому взглянуть на отношение Розанова к Леонтьеву, что стало возможным благодаря завершению выпуска его собрания сочинений, но и еще раз продемонстрировать всю запутанность розановских соображений, с которой неизбежно будет сталкиваться интересующийся его творчеством исследователь. Кроме этого, отчасти затронута и проблема осмысления одним философом творческого наследия другого, что может быть использовано для более глубокого исследования особенностей мировоззрения рассматриваемого мыслителя.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> См.: Долгов К.М. Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. – М., 2008. – С. 435.

<sup>2</sup> См.: Розанов В.В. Собрание сочинений. Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.). – М.: Республика, 2005. – С. 290.

<sup>3</sup> См.: Коноплянцев А.М. Памяти Константина Николаевича Леонтьева 1891 г.: Лит. сб. – СПб.: Сириус. – 1911.

<sup>4</sup> См.: Долгов К.М. Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. – С. 435 – 450.

<sup>5</sup> См.: Сергеев С.М. Леонтьев Константин Николаевич/Розановская энциклопедия/сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 518 – 525.

<sup>6</sup> См.: Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. – М.: Республика, 2001. – С. 329.

<sup>7</sup> См. там же. – С. 395.

<sup>8</sup> См. там же. – С. 349.

<sup>9</sup> См. там же. – С. 405.

<sup>10</sup> См. там же. – С. 395 – 396.

<sup>11</sup> См. там же. – С. 358 – 364.

<sup>12</sup> Там же. – С. 412 – 413.

<sup>13</sup> См.: Розанов В.В. Собрание сочинений. Эстетическое понимание истории – М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. – С. 35 – 36.

<sup>14</sup> См.: Долгов К.М. Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. – С. 450.

<sup>15</sup> Розанов В.В. Эстетическое понимание истории. – С. 94.

<sup>16</sup> Розанов В.В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. – М.: Республика, 1996. – С. 179.

- <sup>17</sup> Там же. – С. 261.
- <sup>18</sup> Там же. – С. 344.
- <sup>19</sup> Там же.
- <sup>20</sup> Там же.
- <sup>21</sup> *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Кн. 2. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. – С. 8.
- <sup>22</sup> *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. – С. 324.
- <sup>23</sup> *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Религия и культура. – М.: Республика, 2008. – С. 435.
- <sup>24</sup> Там же.
- <sup>25</sup> *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. – С. 487.
- <sup>26</sup> Там же.
- <sup>27</sup> См. там же. – С. 557.
- <sup>28</sup> *Розанов В.В.* Собрание сочинений. О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1995. – С. 553.
- <sup>29</sup> *Розанов В.В.* О писательстве и писателях. – С. 554.
- <sup>30</sup> *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Признаки времени. – М.: Республика; Алгоритм, 2006. – С. 176.
- <sup>31</sup> Там же.
- <sup>32</sup> Там же.
- <sup>33</sup> Там же. – С. 46.
- <sup>34</sup> Там же. – С. 120.
- <sup>35</sup> Там же. – С. 121.
- <sup>36</sup> *Розанов В.В.* Собрание сочинений. На фундаменте прошлого. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2007. – С. 10
- <sup>37</sup> *Розанов В.В.* Собрание сочинений. На фундаменте прошлого. – С. 10 – 11.
- <sup>38</sup> *Розанов В.В.* О писательстве и писателях. – С. 516.
- <sup>39</sup> Там же. – С. 516.
- <sup>40</sup> Там же. – С. 518.
- <sup>41</sup> Там же. – С. 522.
- <sup>42</sup> *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. – С. 325.
- <sup>43</sup> См.: *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. Т. 3. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – С. 62.
- <sup>44</sup> *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. – С. 325.
- <sup>45</sup> См.: *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. Т. 3. – С. 132.
- <sup>46</sup> *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. – С. 325.
- <sup>47</sup> Там же. – С. 324.
- <sup>48</sup> Там же. – С. 325.
- <sup>49</sup> *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. Кн. 2. – С. 311.
- <sup>50</sup> *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. – С. 358, 376.
- <sup>51</sup> Там же. – С. 328.
- <sup>52</sup> *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Листва. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. – С. 178.

<sup>53</sup> Там же.

<sup>54</sup> Там же. – С. 180.

<sup>55</sup> Там же. – С. 179.

<sup>56</sup> Там же. – С. 180.

<sup>57</sup> Розанов В.В. Признаки времени. – С. 363.

<sup>58</sup> Там же. – С. 321.

<sup>59</sup> Розанов В.В. Собрание сочинений. Мимолетное. – М.: Республика, 1994. – С. 189–190.

<sup>60</sup> Имеется в виду отношение П.А. Флоренского (Розанов называл это отношение высокомерным) к К.Н. Леонтьеву.

<sup>61</sup> Розанов В.В. Литературные изгнанники. Кн. 2. – С. 311.

<sup>62</sup> Розанов В.В. Листва. – С. 136.

<sup>63</sup> Там же. – С. 118.

<sup>64</sup> Розанов В.В. О писательстве и писателях. – С. 654.

<sup>65</sup> Там же.

<sup>65</sup> Там же. – С. 656.

### Аннотация

В статье представлена эволюция отношения В.В. Розанова к философскому и художественному творчеству К.Н. Леонтьева. Рассматривается розановское восприятие творчества Леонтьева, нашедшее отражение не только в крупных работах, но и небольших статьях, а также в недавно изданных письмах, что позволяет дать наиболее объективную оценку представлений философа о личности и творчестве К.Н. Леонтьева.

**Ключевые слова:** русская философия, В.В. Розанов, К.Н. Леонтьев.

### Summary

The evolution of V.V. Rozanov's attitude to philosophical and art heritage of K.N. Leontyev is presented in the article. Rozanov's perception which published not only in great works, but also in little articles and in recently published letters is considered. It allows to give objective assessment of Rozanov's point of view to K.N. Leontyev.

**Keywords:** Russian philosophy, V.V. Rozanov, K.N. Leontyev.